

Нин Цюянь, выросший в приморском городе, выходил в море всего дважды.

В детстве он был занят учебой и игрой на пианино, а из-за небогатой семьи у него редко выпадала возможность посетить близлежащие острова, ставшие туристическими достопримечательностями.

В один из тех двух разов их лодка перевернулась, но, к счастью, на них были спасательные жилеты.

Уже после спасения он узнал, что один из пассажиров утонул, а его тело, накрытое белой простыней, лежало на палубе совсем рядом. Мать крепко прижимала его к себе, и он, спрятавшись в её объятиях, осмеливался смотреть лишь одним глазом.

С тех пор он больше не выходил в море и даже не знал, что его укачивает.

К счастью, несмотря на сильную качку в шторм, это судно шло довольно уверенно.

Когда его разбудили из полуобморочного состояния, Нин Цюянь был уверен, что умирает. Он даже представлял, как его тело вытаскивают из воды береговая охрана, как оно распухло от морской воды.

Люк был распахнут, внутрь врвался ледяной ветер, в каюте уже никого не осталось.

Нин Цюянь, плотнее запахнув воротник, сел и выглянул в окно.

Небо всё ещё оставалось серым.

Сильный ветер, казалось, начал стихать, и снежинки, кружась, падали на поверхность моря, мгновенно исчезая, едва коснувшись воды.

Где-то между серой дымкой и глубокой синевой внезапно показался остров.

Вблизи холодные волны бились о прибрежные рифы, а вдали виднелись холмистые горы, у подножия которых угадывались густые леса.

Они благополучно добрались до Острова Ду.

— Готовься к высадке, — Дядюшка Пин появился в дверях каюты. — Люди с острова пришли за тобой.

— Хорошо, — слабо отозвался Нин Цюянь.

Приведя себя в порядок, он взял багаж и вышел на палубу, выдохнув в холодный воздух облачко пара.

Они стояли недалеко от причала. Отсюда можно было разглядеть грузовик, легковой автомобиль и несколько черных точек — людей. На судне закупили много провизии, возможно, они пришли за грузом.

Корабль медленно пришвартовался, раздался тяжелый лязг металлических сходней, и Дядюшка Пин опустил трап.

Несколько морских птиц пронесли над самой мачтой.

И тут случилось непредвиденное.

Нин Цюянь только сделал шаг, как кто-то с силой врезался в его рюкзак. Потеряв равновесие, он, сжимая в левой руке футляр от инструмента, правой инстинктивно уперся в борт, чтобы не упасть.

В ладони вспыхнула резкая боль, и он не сдержал крика:

— А!

Алая кровь хлынула из раны, капая на палубу.

Через несколько секунд на белоснежном покрытии образовалась небольшая лужица.

— Что происходит? — сурово спросил Дядюшка Пин. — Вы что творите?!

Нин Цюянь, покрытый холодным потом, не мог вымолвить ни слова от боли.

Парень, который его толкнул, молчал. Вероятно, он просто спешил сойти на берег и сделал это не нарочно, но теперь стоял, тупо уставившись на рану. И он, и подошедший Дядюшка Пин выглядели крайне странно.

Наступила гнетущая тишина, длившаяся добрых десять секунд.

Нин Цюянь, сжав зубы и сдерживая слезы, прошептал:

— Дядюшка Пин, есть что-нибудь, чтобы остановить кровь?

Вопрос будто вывел мужчину из оцепенения. Скрыв удивление, он нахмурился:

— Как же ты так неосторожен?

В голосе слышался упрек.

— Меня толкнули, — честно ответил Нин Цюянь.

Парень продолжал стоять молча, не пытаясь ни объяснить, ни извиниться.

— Сходи на берег первым, на острове есть врач, он поможет, — Дядюшка Пин добавил с нажимом: — В следующий раз не приезжай на остров с открытыми ранами, запомни.

Даже если они были просто попутчиками, эти люди оказались слишком бессердечными.

Нин Цюянь не мог в это поверить, и лишь когда после высадки его кто-то придержал, он почувствовал, что на острове всё же остались люди с душой.

Однако, пройдя по причалу совсем немного, он услышал позади шум. Обернувшись, он увидел, как Дядюшка Пин ударил того парня кулаком, сбив его с ног. Тот скрючился от боли.

Двое мужчин подтащили его к грузовику и грубо запихнули внутрь.

Дверь с грохотом захлопнулась, и парень посмотрел прямо на Нин Цюяня.

Сердце у того ёкнуло.

— Это Нин?

Кто-то окликнул его.

Снег на Острове Ду, должно быть, выпадает раньше обычного.

Куда ни глянь — земля и верхушки деревьев были припорошены белым, дорога превратилась в месиво. Рядом стоял блестящий черный автомобиль.

Перед машиной стоял старик с сединой на висках и приветливо помахал Нин Цюяню:

— Иди сюда.

Нин Цюянь скованно зашагал к нему.

Грузовик и легковой автомобиль.

Очевидно, что к нему и к тому парню здесь относились совершенно по-разному.

Вдоль дороги высились пихты, присыпанные снегом. Дорога петляла, уходя вглубь таинственного леса.

Всё это напоминало чужаку: это частный остров, здесь может случиться всё что угодно.

Когда Нин Цюянь подошел ближе, старик лишь осторожно взял его за правую руку:

— Как ты поранился? Ничего, садись в машину, вернемся — попросим врача осмотреть тебя.

*

Старик был управляющим острова и представился как Дядя Кан.

В машине Дядя Кан платком перевязал рану. Нин Цюянь почти забыл о боли, его мысли занимало другое: приехать в такое частное владение в одиночку — он и правда оказался слишком наивен.

В правовом государстве наручники просто так не носят.

Когда парень боролся, с него упало одеяло, и холодный блеск металла на запястье врезался в память Нин Цюяня. Он впервые в жизни увидел наручники в реальности.

Самые настоящие, незаконные.

За четыре часа на корабле Дядюшка Пин половину времени проводил не в каюте. Если это незаконное удержание или принуждение, у парня было полно возможностей позвать на помощь, но он этого не сделал.

В такой ситуации обычно два варианта: либо парень немой.

Что ж, маловероятно, но Нин Цюянь придерживался мнения, что эта версия хоть и сомнительна, но возможна — иначе почему он был таким невоспитанным?

Второй вариант — звать на помощь бесполезно, потому что в каком-то смысле они с Нин

Цюнянем — одного поля ягоды.

Нин Цюянь забеспокоился. Если он решит вернуться сейчас, будет уже поздно.

— Ты замкнутый ребенок, — раздался старческий, уставший голос.

Нин Цюянь вздрогнул и повернул голову.

Машина ехала по лесу уже минут двадцать.

Примерно на полпути он заметил, что грузовик свернул на проселочную дорогу и скрылся из виду.

Дядя Кан поймал взгляд юноши и мягко спросил:

— Впервые на острове, непривычно?

Нин Цюянь уклончиво промычал в ответ.

— Красиво здесь, правда? — снова спросил Дядя Кан.

Красиво.

Они уже миновали лесную чащу и переезжали через холм.

Серо-зеленый мох, дикие поля, припорошенные снегом — это была не привычная красота, а первозданная, нетронутая природа.

— Остров большой, дом Господина Гуаня находится на самом севере, доберемся не скоро, — сказал Дядя Кан. — На острове давно не было гостей, возможно, все будут обращать на тебя внимание, но они лишь посмотрят и не станут приставать с разговорами, не волнуйся.

Нин Цюянь низко надвинул шапку. Неизвестно, из-за морской болезни или чего-то еще, лицо его было бледным, отчего глаза казались еще темнее. Он спросил:

— Мне нужно сдавать кровь сегодня?

— Не стоит так спешить, — ответил Дядя Кан. — Ты измотан дорогой, наверняка голоден. Я велел приготовить обед, после еды сразу сдавать кровь нельзя. К тому же ты ранен, можно отложить до завтра.

Нин Цюянь опустил веки:

— Я не голоден, и отдыхать мне не нужно.

Дядя Кан усмехнулся:

— Но по договору ты сможешь уехать только в понедельник, лучше отдохни, чтобы быстрее восстановиться.

Нин Цюянь промолчал.

Договор составлен именно так, возразить было нечего.

— Малыш, ты уж потерпи, — внезапно добавил Дядя Кан.

Нин Цюянь поднял взгляд, в котором читалась недетская настороженность.

— У Господина Гуаня особый случай. У доноров в повседневной жизни всё меняется, любая мелочь может привести к несовместимости, поэтому каждый раз требуется профессиональный врач, чтобы взять пробы и всё проверить. Поэтому приходится беспокоить тебя, заставляя приезжать лично, — Дядя Кан говорил очень мягко. — В такую погоду море — то еще удовольствие, правда?

Заботливый тон Дяди Кана вызвал у Нин Цюяня легкое смятение и напомнил о дедушке.

Страх начал отступать.

Дядя Кан похлопал его по здоровой руке:

— Спасибо, что приехал на Остров Ду.

*

В конце концов они остановились у подножия холма, рядом с огромным белым зданием.

Оно занимало большую площадь, Нин Цюянь не мог определить ни размер, ни стиль, лишь чувствовал, что постройка старая — настолько, что местами облупилась штукатурка, выглядело всё обветшало, хотя хозяин явно не бедствовал.

Перед домом был круглый фонтан, который давно не работал, а на камнях лежал тонкий слой

снега.

Он вышел из машины вслед за Дядей Каном, прошел по засохшему газону, поднялся на длинную деревянную террасу и вошел внутрь.

Слуги бросились забирать их верхнюю одежду. Нин Цюянь отказался и, стоя в прихожей, огляделся.

Как темно.

Это было первое ощущение от дома.

Снаружи был пасмурный день, но внутри — еще темнее.

В центре холла горел камин, было тепло, словно другой мир, но все шторы были плотно задернуты — ни единый лучик света не мог пробиться внутрь.

В прихожей тянулся длинный коридор, где тускло горели оранжевые настенные светильники, дополняя полумрак люстр.

Если бы он не пришел с улицы, то решил бы, что сейчас глубокая ночь, а не день.

Разве такая обстановка подходит для больного?

Люди здесь передвигались бесшумно.

Кто-то подошел и тихо о чем-то спросил, после чего Дядя Кан сказал Нин Цюяню:

— Я провожу тебя отдохнуть, врач скоро придет, еду принесут в комнату, а вечером поужинаешь в столовой.

Нин Цюянь кивнул.

Ему и самому не хотелось задерживаться в этой гнетущей атмосфере, ведь, как и говорил Дядя Кан, многие бросали на него взгляды, от которых бежали мурашки.

Видимо, на острове действительно давно не было чужаков.

— Идем со мной, — сказал Дядя Кан.

Они прошли через темный холл, поднялись на такой же сумрачный второй этаж, миновали несколько залов и длинных коридоров, прежде чем оказались у двери комнаты Нин Цюяня.

Он совсем не запомнил дорогу, пребывая в легком оцепенении. Дом был похож на лабиринт.

— Когда я впервые приехал, тоже заблудился, — заметил Дядя Кан.

Открыв дверь, он указал на колокольчик на стене:

— Если захочешь прогуляться, позвони, кто-нибудь тебя проводит. Если хочешь ходить один — пожалуйста, кроме верхнего этажа, везде можно. Третий этаж — личная зона Господина Гуаня, он не любит, когда его беспокоят.

В комнате было всё необходимое, включая отдельную ванную.

С такими удобствами Нин Цюянь мог бы не выходить из комнаты все выходные.

Вслед за ними кто-то принес багаж.

Когда футляр с инструментом поставили на пол, Нин Цюянь не выдержал:

— Пожалуйста, осторожнее!

Его опустили мягко.

— Спасибо, — сказал Нин Цюянь.

Перед уходом Дядя Кан элегантно напомнил:

— Здесь есть всё, в следующий раз можешь ничего не брать, Господин Гуань очень щедр.

Что значит — есть всё?

Нин Цюянь не понял, но не удержался и окликнул мужчину:

— Дедушка Кан, тот парень, что приехал со мной, он тоже здесь живет?

Услышав обращение, Дядя Кан не изменился в лице, лишь ответил еще дружелюбнее:

— Он здесь не живет.

— А зачем он тогда приехал? Он что-то натворил?

Дядя Кан улыбнулся и вышел, не ответив на вопрос, который Нин Цюяню не следовало задавать.

В комнате он остался один.

Ковер был мягким, постельное белье выглядело нежным и белоснежным.

У изголовья стоял букет свежих желтых цветов — видимо, в знак приветствия.

Нин Цюянь снял пальто, ботинки и шапку, подошел к окну.

Странное место.

Даже в гостевой спальне шторы были задернуты наглухо.

Нин Цюянь раздвинул тяжелые, до потолка, портьеры и посмотрел через чистое стекло.

За домом он увидел бледно-голубое озеро, а на воде покачивалась маленькая лодка.

На другом берегу тянулись горные хребты.

Постояв немного в этой пугающей тишине, Нин Цюянь достал телефон.

На значке сети горел восклицательный знак.

Кажется, связь с внешним миром была окончательно потеряна.

<http://bllate.org/book/18663/1799584>